

Содержание

М. Тугушева
“Блеск” и “нищета” здравомыслия
7

ГОРДОСТЬ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ
перевод И.Маршака
21

НОРТЕНГЕРСКОЕ АББАТСТВО
перевод И.Маршака
407

Примечания
643

“Блеск” и “нищета” здравого смысла

“Джейн совсем не хорошенькая, она очень напыщенная и не похожа на двенадцатилетнюю девочку” — так отзывалась о своей кузине наблюдательная особа со звучным именем Филадельфия.

А вот отзыв знакомой, которая, напротив, не могла “припомнить такой же хорошенькой и глупенькой резвущки, охотящейся за мужьями”.

Еще одно, более позднее, свидетельство, тоже современницы: мисс Джейн Остен — особа “перпендикулярная”, словно “кочерга”, аккуратная, точная, молчаливая, застывшая в “благословенном состоянии единственности” (намек на то, что Джейн Остен никогда не была замужем), и только выход в свет романа “Гордость и предубеждение” (1813) показал всем, “какой алмаз таится в жестком каркасе чопорности и внешней непримечательности”. Теперь, по словам той же современницы, “все боятся этой кочерги... Оказывается, она обладает остроумием и умением живо обрисовать характер...”.

Приведя в своей статье “Джейн Остен” эти взаимоисключающие суждения, английская писательница XX века Вирджиния Вулф обращает внимание на удивительное обстоятельство: к пятнадцати годам кузина Филадельфии была уже автором юморесков, объединенных названием “Любовь и Дружба”. Более того, сохранились свидетельства, что сочинять “напыщенная” Джейн начала уже с одиннадцати лет и в восемнадцать закончила небольшой роман “Леди Сьюзен”¹ (1793–1794).

Родилась она 16 декабря 1775 года в Стивентоне, сельском церковном приходе своего отца. В семьдесят лет он удалился на

1 См. “Леди Сьюзен”. М., “Текст”, 2002.

покой и переехал с семейством в курортный городок Бат, а после смерти отца сестры Джейн и Кассандра Остен обосновались в тихом и живописном Чоутоне. По воспоминаниям брата Джейн, Генри, от природы она обладала завидным здоровьем, была невысока ростом, но отличалась хорошей осанкой, черты лица имела приятные и “поистине была создана для жизни в утонченном обществе, где всех превосходила искусством вести беседу и сочинять”.

Генри Остен также вспоминал, что она очень много читала, прежде всего — труды по истории. Любимым прозаиком ее был мыслитель, лексикограф и литератор Сэмюел Джонсон (1709–1789), а среди поэтов она отмечала Джорджа Крабба (1754–1832) и Уильяма Каупера (1731–1800). Произведения Джонсона импонировали ей “мудрой меланхолией” (трактат “Тщета человеческих желаний”, 1749). Она и сама иронически относилась к заблуждениям ума и неразумным человеческим желаниям. Крабб, которого Байрон называл “суровейшим, но лучшим поэтом Природы”, а Вальтер Скотт — “английским Ювеналом”, привлекал ее достоверностью: в эпоху романтизма он упорно стремился “нарисовать лагуна так, как Правда лишь рисует, а не барды”.

Труднее понять, чем была вызвана ее склонность к поэзии Каупера с ее постоянным мотивом одиночества и беспомощности человека в мире. По свидетельству брата, жизнь в Чоутоне шла спокойно, размеренно и была вполне счастливой. Известно, что однажды Джейн Остен представилась возможность сменить “состояние единственности” на замужество, но... дав вечером согласие на брак, утром следующего дня она взяла согласие обратно. Писательский труд доставлял ей наслаждение, а семейные привязанности — радость.

Отец писательницы, Джордж Остен, принадлежал к состоятельной части духовенства и находился в родстве с “джентри”, местным дворянством, а по линии жены — даже с аристократией: дед Кассандры Остен был зятем одного из английских герцогов, а ее дядя Теофилус Ли — главой знаменитого колледжа Тринити (“Св. Троицы”) в Оксфорде. Между прочим, необычное имя супруги Д. Остена тоже свидетельствовало о принадлежности к высокопоставленному, образованному в классическом духе обществу: среди родственников по материнской линии у Джейн Остен было три Кассандры и две Филадельфии.

Большое семейство Джорджа Остена (шесть сыновей и две дочери) жило в скромном, но удовлетворяющем все повседневные нужды достатке и комфорте. Общий тон жизни был спокойный, умиротворенный и, одновременно, не лишенный веселости и добродушно-юмористического отношения к бытию вообще. По отзыву одного из лучших биографов Джейн Остен, лорда Дэвида Сесила, она “находилась в добрых отношениях” с миром, в котором родилась. Многие в этом мире ее радовало, в частности пейзаж Южной Англии с ее мягким климатом, зелеными лужайками, широкими полями, дубравами, цветущими живыми изгородями, маленькими городками и деревнями, старинными церквями, уютными коттеджами, великолепными парками, среди которых возвышались величественные аристократические усадьбы. Неподалеку располагались солидные, на вид незатейливые, но вместительные и удобные дома “джентри” вроде Лонгборна, в котором живет семейство Беннетт. Во всей своей привлекательности его уютная “домашность” — полированная ореховая мебель, обои в “пальметках”, фаянсовые кувшины для умывания — представлена в прекрасном английском фильме, снятом по роману “Гордость и предубеждение”, равно как и чудесный окружающий ландшафт, который Джейн Остен очень любила за то, что он именно английский. “Это был приятный вид, приятный для глаза и мысли: английская зелень, английская культура, английский комфорт под ярким, но не подавляющим своей яркостью солнцем”, — напишет Остен в романе “Эмма”.

И еще она любит этот мир за его стабильность и упорядоченность. Отошли в прошлое революционные бури и кровопролитные распри XVI и XVII веков. Мир века XVIII надежен и прочен. Господствующие классы — аристократия и сельское дворянство, “сквайры” чувствовали себя становым хребтом Англии. Но характерно, что в обществе XVIII века и высшие, и низшие были одинаково проникнуты чувством национальной солидарности, которое называется “Englishness”, “английскость”. Несмотря на социальные контрасты, исподволь нарастающее недовольство низов условиями существования: бедность на грани нищеты, разорение ремесленников-ткачей, непосильный, каторжный фабричный труд и безработица, что приведет в начале XIX века к луддским восстаниям, а позже и к чартизму, и верхи, и низы гордились своей принадлежностью к Англии и ко “всему англий-

скому” и почитали англичан безусловно самой выдающейся нацией в мире.

Уверенность в себе, самодостаточность и чувство превосходства над другими народами сочетались в национальном характере с предприимчивостью, практицизмом, реалистическим отношением к вопросам личного бытия, с торжеством “здорового смысла”. Особенно ценилась в этом обществе семья. Она была мерилом не только социального, но и морального статуса. Он установлен Высшей волей, а семья — та самая ячейка, в которой вырастают и общественные, и личные добродетели, необходимые для поддержания порядка. Поэтому, например, брак, то есть и замужество и женитьба, тоже должны быть упорядочены и регламентированы здравым смыслом и целесообразностью. Разумеется, брак не должен основываться исключительно на практическом расчете, это, как правило, приводит к несчастью. Вряд ли предполагаемый союз Эдварда Феррерса и Люси Стил (хитрой и корыстолюбивой интриганки) был бы хоть сколько-нибудь счастливым, ведь Люси привлекает только богатство Эдварда, а когда выясняется, что наследником имения станет его брат Роберт, Люси отвергает Эдварда и выходит замуж за Роберта. А Эдвард, которого давно тяготила связь с Люси, сразу же предлагает руку и сердце любящей его Элинор. Такова одна из сюжетных линий романа Джейн Остен “Чувство и чувствительность” (1811). Любовь, разумная и преданная, — необходимое условие счастливого брака, но именно любовь, а не безрассудная страсть, которая, как правило, непредсказуема, безответственна и может быть разрушительна, поэтому она нежелательна и в общественных отношениях, и в личных. На этом основана вторая сюжетная линия романа: чувствительная и не умеющая контролировать свои чувства разумом сестра Элинор, Марианна, грубо отвергнутая беспринципным и корыстным Джоном Уиллоби, преодолевшая отчаяние, принимает предложение менее блестящего, чем Уиллоби, однако надежного и верного поклонника и друга, полковника Брэндона.

К 1811 году, когда был опубликован роман “Чувство и чувствительность”, Джейн Остен, если учитывать самые ранние произведения, занималась литературным трудом почти двадцать пять лет, но этот роман был написан в 1795 году. За ним, в 1796-м, последовал роман “Гордость и предубеждение” (сначала он назывался “Первые впечатления”), а в 1798-м Джейн Остен завершила работу над “Нортенгерским аббатством”.

Еще при жизни отца, который поощрял литературные труды дочери, была сделана попытка продать роман “Гордость и предубеждение” лондонскому издателю, но безуспешно. В 1803-м издатель Кросби купил за десять фунтов первый вариант “Нортенгерского аббатства”, но так и не удосужился его опубликовать. Пришлось роман “Чувство и чувствительность” напечатать за счет автора, однако он довольно быстро разошелся, поэтому вскоре появился второй тираж и книжная фирма решила за 110 фунтов приобрести у автора “Гордость и предубеждение”. Фирма не прогадала, роман сразу возымел успех. Читатели, особенно читательницы, отмечали “ироничность и ум” автора. По словам Анны Изабеллы (Аннабеллы) Милбэнк, будущей леди Байрон, жены знаменитого поэта, ее особенно поразила “сила характера” главной героини Элизабет Беннет.

“Я только что прочла роман “Гордость и предубеждение”, который считаю превосходным. Его превосходство не зависит от общепринятых средств, к которым прибегают романисты... Здесь нет утопленников, всепожирающих пожаров, взбесившихся лошадей, комнатных собачек, попугаев, горничных и модисток, роковых схваток и сцен с переодеваниями. Уверена, что это самая *достоверная* книга из всех, которые я когда-либо читала. Над ней не прольешь слезу, но она очень интересна, особенно интересен мистер Дарси. Лица, не вызывающие симпатии, тоже выписаны увлекательно и все до одного убедительно. Очень бы хотелось узнать, кто автор романа, мне говорили, что это женщина”.

Дело в том, что романы Джейн Остен печатались анонимно, но знатная Аннабелла Милбэнк могла бы и не запомнить скромное имя автора. Будущую леди Байрон больше интересовала алгебра, а не беллетристика, она была, что называется, “синим чулком”, и, возможно, именно это привлекло внимание поэта к девушке, так отличавшейся своими пристрастиями от легкомысленных светских красавиц.

А то, что Аннабелле Милбэнк понравилась Элизабет Беннет, — также неудивительно. У нее у самой был сильный характер и пылкий ум — опять же как у Элизабет Беннет.

...С известной долей скепсиса, иронии и даже недоверия взирает Элизабет на окружающих людей. Ее огорчает иронически-пренебрежительное отношение отца к семейным заботам и воспитанию младших дочерей. Элизабет стыдится поведения болтливой

и неумной матери, только и помышляющей, как бы повыгоднее выдать замуж старших дочек. Но у миссис Беннет есть основания для охоты за “приличными” зятями. У них с мистером Беннетом только дочери, а их именице Лонгборн наследуется исключительно по мужской линии. После смерти мистера Беннета оно должно перейти к его дальнему родственнику, пастору Коллинзу, и что тогда ожидает пять девиц Беннет, которые лишатся домашнего крова? Ведь пока даже двадцатитрехлетняя красавица Джейн не замужем. Неравнодушный к ней богатый, любезный мистер Бингли, которого миссис Беннет во всеуслышание прочила себе в зятя, внезапно и надолго отбыл в Лондон, а своенравная Элизабет отвергла мистера Коллинза, предложившего ей руку и сердце. И это понятно — ничто не могло бы заставить Элизабет выйти замуж за самоуверенного и глупого Коллинза, пресмыкающегося перед знатной и деспотичной леди Кэтрин де Бёр.

Гневно отказывает Элизабет и другому претенденту на ее руку, гордецу, богатому и знатному джентльмену, мистеру Дарси, узнав, что это он убедил своего друга Бингли не продолжать знакомства с “вульгарным” семейством Беннет. Но, главное, Элизабет убеждена, что мистер Дарси поступил жестоко и нечестно с обаятельным молодым человеком Уикхемом, лишив того наследства.

Дарси удастся оправдаться в глазах Элизабет: он рассказывает ей историю своих отношений с Уикхемом, повесой и обманщиком, покушавшимся на честь и состояние юной Джорджианы, сестры Дарси.

И Элизабет стыдится бывшего предубеждения: оказывается, так легко, когда веришь словам и закрываешь глаза на поступки, не разглядеть истинной сути человека. Не дала она себе труда внимательнее приглядеться и к Дарси. Да, он горд, высокомерен, но в душе добр. Он повинуетя голосу чести и долга. И любви. В этом Элизабет убедится, когда ее младшая сестра Лидия сбежит с Уикхемом, и теперь всему семейству Беннет грозит позор, и вряд ли остальные сестры когда-либо выйдут замуж за людей из порядочного общества.

Однако по-прежнему влюбленный в Элизабет мистер Дарси за десять тысяч фунтов покупает согласие Уикхема жениться на Лидии. Скандал замят. Бесчестье Беннетам больше не угрожает, что в интересах и самого Дарси, он снова делает предложение

Элизабет и женится на ней, а Бингли — на любимой и отвечающей ему взаимностью Джейн.

Примерно ту же ситуацию, с побегом легкомысленной особы и ее коварного “поклонника”, но комически, обыгрывает Диккенс в “Пиквикском клубе” (1837), однако если вертушке Лидии всего пятнадцать лет, то Рэйчел Уордль, которая бежит с мошенником Джинглем из усадьбы своего брата Дингли-Делл, — “незамужняя тетушка неопределенного возраста”. Джинглю, как известно, тоже заплатили, но за то, чтобы он *не* женился, и он с готовностью отказывается от брачных уз всего за сто двадцать фунтов. Однако побег глупой тетушки никак не может помешать хорошеньким дочкам мистера Уордля выйти замуж за молодых джентльменов Уинкля и Снодграсса. Дело в том, что веселый пиквикский мир Диккенса достаточно демократичен, а Джейн Остен жила в обществе, туго “зашнурованном” условностями, и пишет она “с натуры”, скрупулезно воспроизводя нравы, образ мыслей и предубеждения своей среды, мелкопоместного английского дворянства конца XVIII — начала XIX века.

Общество, в котором она жила, было еще и очень “материалистичным” и во всем искало выгоды. Еще до побега Лидии, во время поездки в Дербишир, Элизабет случайно попадает в Пемберли, роскошное поместье Дарси, и когда она осматривает внушительный особняк с живописным парком, в голову ей приходит неожиданная мысль: а ведь она могла стать “хозяйкой всего этого”, если бы сгоряча, еще не зная о причинах разлада между Уикхемом и Дарси, не отвергла его предложение. Разумеется, владей Пемберли мистер Коллинз, она и тогда бы не вышла за него, но то, что хозяином чудесного поместья оказывается Дарси, очень повышает привлекательность этого джентльмена в глазах Элизабет. С каким уважением и даже почтением созерцает она его парадный портрет, висящий в роскошных апартаментах!

Ни сама героиня романа, ни его создательница не видят ничего отрицательного в этом стремлении сочетать любовь и расчет. Так, Остен порицает миссис Беннет не за то, что она стремится выдать Джейн за богатого Бингли. Она иронизирует над вульгарностью миссис Беннет, не умеющей держать язык за зубами и тем самым провоцирующей Дарси на “спасение” друга от опасности породниться со столь дурно воспитанным семейством.

Роман “Гордость и предубеждение” был особенно любим самой Джейн Остен, и Элизабет во многом ее *alter ego*. Остен доверяет ей многие свои мысли и отношение к людям.

Некоторым современным писательницам независимость, искренность и живой критический ум Элизабет не очень нравились. Мэри Рассел Митфорд и Маргарет Олифант, например, считали, что у нее слишком “бойкий” и “дерзкий” язык, однако большинство современников, знавших романы Остен, высоко ценили их “здравый смысл” и реализм, например Вальтер Скотт, который прочитал “Гордость и предубеждение” три раза и восхищался умением автора “сделать интересными самых обыкновенных людей”.

В 1814 и 1816 годах Джейн Остен опубликовала романы “Мэнсфилд-парк”, повествующий о “странностях любви” и о добродетели и верности (Фанни Прайс), в конце концов вознаграждаемых судьбой, и “Эмма”. Последний воспринимается многими критиками как наиболее зрелое и совершенное произведение Д. Остен. Сама она была далеко не так уверена в этом: “Меня преследует мысль, что тем, кто предпочитает “Гордость и предубеждение”, роман (“Эмма” — М.Т.) покажется не столь остроумным, а те, кто больше ценит “Мэнсфилд-парк”, увидят в нем недостаток здравого смысла”. По ее словам, героиня романа нравится только ей самой, в чем она ошибалась, но, конечно, было смелостью наделить Эмму такими неприятными качествами, как самомнение, чувство превосходства над окружающими. И — “в развитие” постулата любимого Сэмюэла Джонсона, Остен показывает, как неразумие человеческих желаний — авторитарная самоуверенность, убеждение, что именно она, Эмма, знает “как лучше”, едва не кончается жизненной драмой для ее подопечной, Гарриэт Смит, которую Эмма разлучила с женихом. Безусловно, Остен порадовала бы английского читателя еще не одним произведением, но в начале 1816 года у нее появились первые признаки неизлечимого недуга (Аддисонова болезнь). В мае 1817-го она уезжает в старинный город Винчестер, бывший некогда английской столицей, чтобы пользоваться квалифицированной врачебной помощью. Два месяца, вспоминал Генри Остен, она страдала “от различного рода болей, слабости, тягостной монотонности бытия, вызванной угасанием плоти, но смиренно, более того, с поистине добрым расположением духа претерпевала страдания и до конца сохранила

свои способности, память, воображение, темперамент и привязанности”.

Накануне смерти она даже сочинила несколько стихотворных строк, “исполненных живости ума и чувства”, но на вопрос, не хочется ли ей чего-нибудь, ответила: “Ничего не хочу, только умереть”.

В пятницу 18 июля 1817 года она “скончалась на руках сестры”...

После смерти Джейн ее брат Генри Остен выкупил у Кросби роман “Нортенгерское аббатство” (за те же десять фунтов) и опубликовал в декабре 1818 года вместе с романом “Доводы рассудка”.

Критика встретила “Нортенгерское аббатство” сдержанно. Роман сильно бы выиграл во мнении читателей, если бы Кросби не положил его под сукно, а напечатал на пятнадцать лет раньше, в 1803-м, когда в обществе стала ощущаться некоторая усталость от готического романа с его ужасами и зловещими, роковыми тайнами. У критиков на памяти были прежние романы Джейн Остен, особенно “Гордость и предубеждение”, большим достоинством которых считалось отсутствие “мрачных эпизодов, потайных комнат, завывания ветра в длинных галереях, пятен крови на заржавленных кинжалах” и прочих достопримечательностей, “теперь имеющих успех только у горничных и сентиментальных прачек”, — как выразился редактор очень влиятельного журнала “Квотерли Ревью”.

Тем не менее героиня романа Кэтрин Морланд не могла не привлечь внимания читающей публики, узнававшей в ней жертву привычных литературных вкусов. Дело в том, что, начитавшись романов Анны Радклиф, изобилующих всякого рода кошмарными приключениями в таинственных замках, где в мрачных подземельях злодеи заживо погребают несчастных жен, Кэтрин, приехав погостить в старинный особняк, в полном соответствии с законами литературного готического жанра начинает подозревать своего хозяина, желчного и грубого генерала Тилни, в тайном преступлении. Он, наверное, тоже замуровал в отдаленной комнате “замка” свою несчастную жену...

Кэтрин, конечно, ошибается. Генерал, как это ни странно, очень заботился о больной жене, ее лечили лучшие доктора, но ничто не помогло, и миссис Тилни умерла, но естественной смертью и в своей постели.

Сын генерала Генри упрекает Кэтрин: напрасно она вообразила “такие страшные вещи”. И далее Генри старательно опровергает ее невероятные фантазии: “Вспомните, в какой стране, в каком веке мы живем. Вспомните, что мы англичане, что мы христиане. Попробуйте воспринять жизнь по-настоящему... Разве наше воспитание готовит нас к таким извращениям? Разве наши законы им потакают? Могли бы они остаться незамеченными в стране, в которой печать и общественная деятельность находятся на таком высоком уровне, где все люди добровольно подглядывают друг за другом и где, благодаря развитию газет и дорог, ничто не может ускользнуть от всеобщего внимания? Милейшая мисс Морланд, что за мысли бродят в вашей головке?”

И Кэтрин “со слезами стыда убежала к себе в комнату”¹.

Устами Генри Тилни Остен порицает неразумную тягу к готическим бредням, мешающим воспринимать жизнь такой, какая она есть в действительности, но попутно иронизирует и над здравомыслящими и законопослушными соотечественниками, которые, очевидно, по зову души “усердно подглядывают друг за другом”.

Конечно, эта действительная жизнь представала в романах Джейн Остен в довольно узком аспекте, почему современники нередко называли ее “дорогой тетушкой Джейн”, которая сочиняет прелестные, исполненные юмора и метких наблюдений любовно-психологические, но иногда ощутимо нравоучительные романы. Английский же читатель середины XIX века привыкал ценить в художественном произведении глубину и масштабность охвата жизни, он предпочитал романы Диккенса, Теккерея, Шарлотты Бронте, Элизабет Гаскелл, находя сочинения Джейн Остен верными “Природе” и повседневной жизни, но скучноватыми, а иногда и “провинциальными”, хотя в пору их опубликования они казались новацией на фоне романтической литературы, — так подкупало внимание Остен к бытовой стороне жизни, психологической динамике чувств, утверждение Разума (*Sense*) и “доводов рассудка” над Чувствительностью (*Sensibility*), ее отказ от романтической живописности.

Sense, здравый смысл, торжествует и в романе “Нортенгерское аббатство”, где Кэтрин Морланд, после внушения, сделанно-

1 *Джейн Остен. Собрание сочинений. Том второй. М., Художественная литература, 1988, с. 179.*

го ей Генри Тилни, устыдившись своих “готических” выдумок, проводит ночь без сна, в слабой надежде, что возлюбленный не считает ее совсем уж безмозглой девицей.

Но среди английских критиков в 40-е годы XIX века встречались самые рьяные поклонники таланта Остен, например Д.-Г. Льюис. В 1847 году в письме к Шарлотте Бронте, уже автору “Джейн Эйр”, снискавшей большую известность и популярность, он советует прочитать роман “Гордость и предубеждение” и называет Джейн Остен “великой” писательницей.

Бронте прочла роман, но, пишет она в ответном письме, нашла в нем лишь... “точное, дагерротипное воспроизведение обыкновенного лица, тщательно ухоженный сад за высоким забором, с аккуратными клумбами и нежными цветами, но нигде и признака яркой, живой физиономии или открытой взору местности, свежего воздуха, синих холмов, говорливого ручья. Вряд ли мне захотелось бы жить с этими дамами и господами в их элегантных, но душных домах”.

Выбирая между Джейн Остен, представительницей “реального” романа, и Жорж Санд, писательницей романтического склада, Бронте решительно отдает предпочтение второй, так как Жорж Санд может “захватить воображение”, у нее есть “поэзия” и “чувство”, а в романах Остен этого нет. “Мисс Остен может быть разумна, реалистична (более *реалистична*, чем *правдива*), но не может быть великой”.

Суждение интересное, но не вполне справедливое, если учесть необходимость подхода к литературным достижениям с исторической меркой. Учитывая ее ограниченный опыт жизни и социальную позицию, Остен и не могла писать с таким глубоким проникновением в действительность, как Диккенс, Теккереи, да и сама Шарлотта Бронте. Но мир, “за высоким забором” наследственных, имущественных и прочих привилегий, который с таким вкусом, знанием и симпатией (хотя не лишенной иронии) изображала Д. Остен, у неимущей дочери бедного деревенского пастора, вынужденной тяжким трудом зарабатывать себе на жизнь, вызывал горький сарказм и неприятие. “Душный” мир Джейн Остен существовал к тому же в убеждении своей незыблемой правомочности. Его самодовольно настроенные представители иногда заботились о “бедных созданиях”, то есть неимущих, как заботится о них Эмма Вудхауз, героиня одноименного романа Остен.

“Бедные создания” смиренно, “зная свое место”, принимают благотворительные даяния. А мир Шарлотты Бронте, автора “Джейн Эйр”, был миром мятежных страстей, отвергавшим идею смирения и согласия идти традиционным путем покорности и подчинения тем, кто богаче и сильнее. Создается впечатление, однако, что Бронте не заметила независимости и “дерзости” главной героини “Гордости и предубеждения”, хотя при желании в Элизабет Беннет можно было бы увидеть провозвестницу свободолюбивой Джейн Эйр.

Интересно, что обе, и Элизабет, и Джейн, озабочены проблемой равенства. Элизабет заявляет о своем социальном паритете с Дарси: “Он дворянин. Я дочь дворянина. Мы в этом смысле равны”. А Джейн, бедная гувернантка, зависящая от своего хозяина Рочестера материально, утверждает свое *человеческое* равенство с ним, богатым и знатным, и заявляет о несогласии существовать, не имея свободы выбора, потому что так оно положено в обществе для “бедных и незнатных”.

После смерти Шарлотты Бронте Льюис в 1859 году снова вспомнил об их полемике. Он сетует, что до сих пор нет биографии Остен, а “мисс Бронте ее удостоилась”, хотя произведения Остен созданы для “вечности”, а мисс Бронте “скоро перестанут читать”, равно как “Хижину дяди Тома” Г. Бичер-Стоу. Он жестоко ошибся. В конце XIX века Л. Толстой будет говорить о “всемирном” значении “Хижины”, а Шарлотта Бронте в лице своей одинокой, гордой и неимущей героини-гувернантки ввела в мировую литературу поистине бродячий образ, вызвавший массу подражаний и неожиданно отозвавшийся в творчестве самых разных писателей, в частности, в рассказе А.П. Чехова “Дочь Альбиона”.

Романы Д. Остен также вышли за пределы Англии, хотя говорить об их всемирном значении было бы, наверное, натяжкой. В английской классике, однако, Остен заняла прочное и выдающееся место, и не в последнюю очередь именно благодаря своей “английской сущности”, о которой уже говорилось, — юмору, мудрой иронии, незыблемой приверженности к корням, любви к национальному английскому характеру с его твердостью духа и стойкостью в несчастье. Наверное, и поэтому в Англии с 70-х годов XIX века ее слава неуклонно возрастала, чему способствовали “Воспоминания”, опубликованные в 1870 году племянником Ос-

тен, Д.-Р. Остен-Ли. Еще более почитаемой она стала у английских писателей XX века, таких блестящих мастеров прозы, как Г.К. Честертон, В. Вулф, Р. Киплинг, Э.-М. Форстер, хотя В. Вулф, тоже считавшая Д. Остен “великой”, как-то посетовала, что очень трудно определить, в чем именно заключается тайна ее величия. Возможно, и в том, как тонко заметила еще одна английская писательница, Айви Комптон-Бернетт (1884–1969), что “мелочи, из которых состоит жизнь, важнее, чем значительные ее события”. Всемирно известный творец сказочной эпопеи о Винни-Пухе, талантливый драматург, новеллист и автор детективных романов и рассказов, Алан Александр Милн, по его словам, “обожал” романы Джейн Остен. В годы Первой мировой войны лейтенант Милн служил на фронте связистом. Его капрал был книголюбом, и как-то выяснилось, что они оба “страстно любят” романы Остен. Когда однажды начался артиллерийский обстрел, капрал счел своим долгом “присмотреть” за лейтенантом, тянувшим телефонный провод: с кем же еще он сможет поговорить о любимой писательнице, если лейтенанта убьют? “Я считаю, — напишет потом Милн в “Автобиографии”, — что его забота обо мне — самая большая когда-либо кем-либо выраженная дань признания таланту Джейн Остен”. Милн восхищался героиней “Гордости и предубеждения” и в 1938 году написал сценарий для радиопьесы “Элизабет Беннет”, а в 1972 году создала пьесу по этому же роману Констэнс Кокс.

В XX веке большое внимание читателей и литераторов привлекли ранние и неоконченные сочинения Джейн Остен. В 1922 году было напечатано ее первое произведение “Любовь и дружба” с предисловием Г.К. Честертона. В 1925 году вышло отдельное издание “Леди Сьюзен” — а впервые этот роман увидел свет еще в “Воспоминаниях” Дж.Э. Остена-Ли. В 1927 году был издан фрагмент романа “Уотсоны”. В 1959 году его “продолжил и закончил” Д. Коатс. В 1934-м был впервые опубликован неоконченный роман Остен “Сэндитон”.

А возвращаясь к суждению А. Комптон-Бернетт о “мелочах жизни”, можно возразить, что Джейн Остен подмечала не только “мелочи”. Она очень неплохо разбиралась в том, что экономисты XIX века называли “имущественными отношениями”. Недаром английский поэт XX века У.-Х. Оден в 30-е годы язвительно скажет: